

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Института славяноведения РАН

профессор, доктор исторических наук
Накифоров Константин Владимирович

01 сентября 2016 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации

о диссертации СУРИКОВОЙ ОЛЕСИ ДМИТРИЕВНЫ

«Лексические единицы с приставкой и предлогом *без*

в русских народных говорах и фольклоре:

семантико-мотивационный и этнолингвистический аспекты»,

представленной на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

по специальности 10.02.01 – русский язык

(Екатеринбург, 2016)

Диссертация О. Д. Суриковой носит комплексный характер и выполнена на стыке диалектологии, этнолингвистики и лингвофольклористики. Можно сказать, что в диссертации О.Д.Суриковой объединены два самостоятельных исследования. Одно – это лингвистическое и этнолингвистическое исследование лексики с приставкой и конструкций с предлогом *без* в русских говорах, другое – исследование языка фольклора, посвященное употреблению и функции этих же языковых единиц в фольклорных текстах (поговорах и поговорках, загадках, заговорах, причитаниях), основанное на учете их жанровых особенностей. Но поскольку обе эти вполне самостоятельные части работы подчинены общей цели и используют единый подход – они направлены на выявление аксиологической и когнитивной природы изучаемых единиц в разных идиомах русского языка и их роли в создании русской языковой картины мира, – постольку они

составляют единое целое не только в тематическом и проблемном, но и в методологическом отношении.

Тема рецензируемой диссертации не впервые привлекает внимание русистов – существует немало трудов (прежде всего лингвистических), в которых она затрагивается (как правило, на ограниченном круге фактов или в избранном, узком аспекте), но впервые она разрабатывается на русском материале с такой полнотой и доскональностью. Эта комплексность, цельность и масштабность исследования составляет его **новизну**, а также его **актуальность**, поскольку слова и конструкции с *без* «нуждаются в <...> комплексном этнолингвистическом анализе, учитывающем их функционирование на синхронном уровне языка <...> и в тексте, а именно в фольклоре, в разных его жанрах» (с. 12). В этом отношении работа О. Д. Суриковой находится в тренде современных гуманитарных исследований, отдающих предпочтение комплексности и междисциплинарности.

Особо следует отметить богатство и полноту (практически исчерпывающую) **материала**, на котором построено исследование. Объем проанализированного корпуса фактов – более 4 000 языковых единиц. При этом заметную его часть составляют впервые вводимые в научный оборот новые полевые данные, собранные (в том числе) в экспедициях на территории Русского Севера и Верхнего Поволжья сотрудниками Топонимической экспедиции УрФУ; автор принимал личное участие в экспедиционной работе на протяжении пяти полевых сезонов.

Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в изучение когнитивных механизмов отрицания (и прежде всего семантической категории лишительности) и их роли в создании языковой картины мира, а также в разработке методики комплексного анализа фольклорного текста с учетом его языковой структуры, стилистической, жанровой и концептуальной специфики.

Практическая ценность исследования состоит в возможности использования его результатов в вузовских курсах по общему языкознанию, социолингвистике, этнолингвистике, диалектологии, лингвофольклористике, а также в лексикографической практике.

Основная **идея** этой работы заключается в том, что слова и конструкции с *без*, будучи одной из семантических «сфер отрицания», самим фактом отрицания или указанием на отсутствие чего-либо способны косвенно давать оценку отрицаемым и отсутствующим сущностям, попадающим таким образом в зону специального внимания. Эта мысль была высказана уже в работе А.Ф.Журавлева «Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики» (1997): «Естественно полагать, что

специальное лексическое выражение, концептуальное выделение с помощью особой единицы лексического состава получает отсутствие или недостаток не любого, но лишь весьма значимого объекта или качества, поэтому производные с привативной семантикой образуются в славянском обычно от имен, соотносящихся с объектами и атрибутами, игравшими в праславянской культуре и картине мира заметную роль».

Принимая этот общий тезис, О. Д. Сурикова в **первой главе** своей работы предлагает исчерпывающий анализ всего собранного ею русского диалектного материала, его лексико-этимологическую и идеографическую классификацию. Во **второй главе** особо, более подробно, рассматривается в тех же параметрах поле соматической лексики с приставкой *без-*. В обширной **третьей главе** дается анализ *без-*конструкций по отдельности в пословицах и поговорках, загадках, заговорах и причитаниях (также в семантическом, функциональном и этнокультурном ключе); в параграфах, посвященных пословицам и загадкам, особое внимание уделено идеографической классификации «предметов отрицания», а сделанные автором наблюдения получают в том числе аксиологическую трактовку. В **четвертой главе** представлены семантико-мотивационные реконструкции нескольких слов с приставкой *без-* (*беспелуха, Бестужев, бесчестье, безбожник, беззаветный, бeсcчаcтьe*) и выражений (*безымянные дни, без места, без жал*), не имевших до сих пор надежной словообразовательной и этимологической атрибуции; каждое из слов и выражений анализируется подробно, с учетом всех языковых и фольклорных контекстов и получает новую словообразовательно-этимологическую и/или мотивационно-семантическую интерпретацию.

Наконец, в шести **приложениях** в систематизированном виде приводится весь исследуемый материал: полный свод лексики с *без-*, сгруппированной по корням; список корней и основ, с которыми соединяется префикс *без-*; перечень морфемных комплексов, способных сочетаться с *без-*; идеографическая классификация «предметов отрицания» в пословицах и загадках; статистика *без-*конструкций в причитаниях.

Каждый корпус фактов рассматривается автономно, с учетом всех аспектов, поэтому в работе появляются неизбежные повторы, в частности в тех фрагментах глав и параграфов, где дается идеографическая классификация материала и его этнолингвистическая (аксиологическая) интерпретация. Кое-где автор увлекается частностями и цитированием научной литературы, приводит не обязательные для целей работы сведения этимологического, исторического или даже этнографического характера, подчас относящиеся не к русскому, а к другим языкам. Таков, например, экскурс об истории слова *беседа*.

Рецензируемая диссертация оставляет впечатление очень серьезной, зрелой, фундированной и по-настоящему творческой работы. Автор прекрасно владеет исследуемым материалом, применяет апробированные и новые методики его исследования, мыслит ярко, нестандартно, ставит перед собой сложные, явно выходящие за рамки кандидатской диссертации вопросы и находит смелость предлагать не менее нестандартные решения. Цели и задачи, поставленные в работе, убедительно реализованы, а ее результаты – достоверны и оригинальны. Хочется отметить, что автор свободно оперирует терминами и понятиями разных лингвистических дисциплин, и, наконец, тот факт, что диссертация замечательно написана.

Как всякая яркая и талантливая работа, диссертация О. Д. Суриковой вызывает разнообразные размышления и вопросы, желание обсудить предлагаемый автором подход. Выскажем наиболее важные дискуссионные соображения, касающиеся собственно лингвистической части исследования.

1. Поскольку объектом исследования являются языковые единицы двух типов – лексика с приставкой *без-* и предложно-падежные конструкции с предлогом *без*, прежде всего следовало бы более четко определить отношение этих двух типов единиц. Легко заметить, что в первых двух главах речь идет почти исключительно о префиксальных лексемах, а в третьей – преимущественно о предложно-падежных конструкциях. Кроме того, если первые являются безусловными элементами системы языка, то вторые принадлежат системе лишь в очень незначительной части: системными можно считать только те из них, которые хотя бы в какой-то степени имеют идиоматизированный характер (именно они и рассматриваются в работе, они же часто и порождают суффиксальные дериваты: *без успеха > безуспешный*). Вообще же сочетания с предлогом *без* практически не знают никаких ограничений, они имеют свободный характер и потому слабо диагностичны для целей аксиологического и когнитивного анализа. Наконец, эти два структурных типа (слова с приставкой и словосочетания с предлогом) теснейшим образом связаны в плане динамическом, т. е. словообразовательном, поскольку очень значительная часть исследуемой префиксальной лексики мотивирована предложными сочетаниями (*без головы > безголовый, без ошибки > безошибочный*); при этом приставочные дериваты образуются как от субстантивов и адъективов, так и от глаголов, тогда как предложные конструкции включают только субстантивы (в том числе отглагольные и отадъективные).

2. Автор справедливо отмечает, что *без-*конструкции (слова и предложные сочетания) представляют собой особую «сферу отрицания» в языке, но специфика этой модели по отношению к другим моделям отрицания и прежде всего к отрицательным сло-

вам и конструкциям с *не* определена в работе лишь в самом общем виде. Указывается только, что *без*-конструкции, в отличие от *не*-конструкций, обозначают не чистую отрицательность, а прежде всего идею отсутствия (отсутствия того, что выражено знаменательной основой мотивирующего слова или выражения). Эта «каритивная» природа *без*-конструкций в первую очередь и интересует автора, а главным объектом анализа становятся «предметы отсутствия», которые получают в работе аксиологическую и этнолингвистическую интерпретацию. Между тем в *без*-конструкциях представлена не только семантика отсутствия, но и семантика отрицания (например, *безоглядно* – это не отсутствие «огляда», а отрицание действия «оглядываться»; *безвидно* – это не отсутствие чего-л., а отрицание того, что нечто видно, т. е. то же, что *не видно*; *безвнимательный* = *невнимательный*, *беструдный* = *нетрудный* и т. д.). Соотношение этих значений прямо зависит от характера мотивирующих слов и конструкций, а именно – от субстантивных основ, как правило, образуются слова с каритивным значением (значением отсутствия: *без дождя* > *бездождие*, *без бога* > *безбожный*, *без дома* > *бездомный*, *без воздуха* > *безвоздушный*, *без приюта* > *бесприютный* и т. д.), а от адъективных и глагольных основ (т. е. от предикативных слов) – слова со значением не отсутствия, а отрицания (*безгордый* = *негордый*, *бесхитрый* = *нехитрый*, *безответственный* = *неответственный*, *бесприятно* = *неприятно*, *безобъявено* < *не объявляя*, *безотменный* < *не отменяющий*, *безотказный* < *не отказывающий*, *безутешный* ‘такой, кого не утешить’, *безотступно* < *не отступая*, *бесприсядки* < *не приседая*, *безразгибно* < *не разгибаясь* и т. д.). В материале представлены и некоторые примеры отрицательного значения приставки *без*- при именах и глаголах, манифестирующие древний тип сложения: *беспорядок*, *безвласть*, *безлюди*, *безделать*. Другим («вторичным») значениям приставки *без*- (усилительному, экспрессивному) в работе справедливо уделено немало внимания.

3. В тексте диссертации несколько раз сформулирована позиция автора относительно словообразовательного аспекта темы, например: «Поскольку исследование процессов собственно словообразовательной деривации не входит в круг поставленных нами задач, а главный интерес представляют аксиологические и когнитивные механизмы *без*-префиксации, при подаче материала мы осуществляем “снятие” морфемного окружения корня» (с. 414). В действительности при избранном аспекте исследования невозможно обойтись без обращения к мотивационной и словообразовательной структуре изучаемой лексики, поскольку семантика приставки *без*- прямо зависит от производящей структуры, а когнитивная и аксиологическая характеристика – от мотивирующего слова или выражения.

Что же касается приема «снятия морфемного окружения корня», то он в какой-то степени противоречит основной задаче работы, в которой анализируются «предметы отрицания/отсутствия»: в слове *безвыездно* предметом отрицания является не «езда», а именно «выезд» (точнее понятие «выезжать»), в *безвылазно* отрицается не «лазание», а именно «вылезание» («вылезать»), и приставки здесь, вопреки утверждению автора, имеют отнюдь не только видовое значение, но и пространственное. Вообще, когда автор говорит о корнях, то в этом скорее надо видеть не словообразовательную или этимологическую категорию (*без*-слова образуются не от корней!), а просто удобный способ обозначения идеографических единиц (при таком понимании вопрос о «синонимии» корней снимается). Особенно неприятен принцип отказа от анализа словообразовательных отношений при семантико-мотивационной реконструкции «темных» слов, и на практике автор, конечно, не обходится без словообразовательного анализа.

4. Исследуя семантику и прагматику *без*-конструкций, следовало бы обратить внимание на каузативные глаголы с приставочным комплексом *обез-* (*обезглавить*, *обесценить*, *обезвредить*, *обесчестить*, *обезличить* и т. п.) и соответствующие глаголы на *-еть* (*обессилеть*, *обескроветь*, *обезножить* и т. д.), воплощающие в чистом виде категорию «лишительности». В лексических перечнях некоторые из них sporadически встречаются, но системного анализа их в работе нет.

5. В кратком отзыве невозможно остановиться на всех вопросах и соображениях, касающихся трактовки конкретных слов и положений, поэтому приведем лишь некоторые. Многие *без*-слова с противоположным значением, трактуемые в работе в терминах энантиосемии, в действительности объясняются многозначностью мотивирующего слова или разной трактовкой целой ситуации, стоящей за словом. Об этом справедливо писала И. П. Петлева в работе «Еще раз к вопросу о *не* - не 'не'» (1998): «Необходимо принимать во внимание многозначность, семантическую разветвленность (вплоть до антонимии) ряда слов, когда параллель с *не*- для одного из значений является закономерным отрицанием, а для другого (антонимического) – представляется образованием с излишним *не*». Типичный пример общерусского языка – *бесценный* в противоположных значениях ‘драгоценный’ и ‘малоценный’, предполагающих в обоих случаях внутреннюю форму ‘не имеющий цены’, но воспринимаемую в разных перспективах, т. е. в этих случаях по-разному трактуется не «предмет отсутствия» (цена), а самая ситуация отсутствия. То же можно сказать о *бездушный*, *бессердечный*, *безжилый*, *безвытнный* и т. п. Соглашаясь с предлагаемой в диссертации реконструкцией фамилии *Бестужев* как **bez-tag-*, трудно все же усмотреть в развитии этой лексемы явление энантиосемии, поскольку оба значения – ‘усердный’ и ‘беззаботный’ – естественно выводятся из этой

структуры: первое подразумевает работающего ‘без усилия, без натуги’, а второе понимается как ‘тот, кто не тужит’ (или вообще как ‘тот, кто не испытывает напряжения’). В трактовке слова *беззаветный*, как представляется, необязательно исходить из мотивирующего *завет* в привычном нам значении; важнее учесть весь приставочный ряд имен *ответ, навет, привет, обет, завет* и общую для них коммуникативную семантику. В словах *бессчастье* и *бесчастье* различие скорее не семантическое (и словообразовательное), а орфографическое: по-видимому, ничто не мешает считать оба слова восходящими к слову *часть* ‘доля’ с последующей аттракцией к высокочастотному *счастье* (т. е. *с-частье, зло-частье, бес-частье*). В словах *безутышно, безутышка* предлагаемая версия (корень *тих-/тиш-*) оставляет без объяснения корневой гласный *ы*; учитывая же форму *безутычно*, можно усматривать здесь корень *тък-/тык-*.

Как уже отмечалось, значительная часть диссертационной работы выполнена на фольклорном материале и относится к компетенции лингвофольклористики. О.Д. Сурикова демонстрирует способности в освоении фактически второй филологической специальности, что позволяет ей профессионально подойти как к отбору фольклорного материала, подходящего для задач лингвистического исследования, так и к его интерпретации и оценке.

Исследуя функционирование *без-*конструкций в русских заговорах, автор рассматривает обстоятельственные, предикативные и атрибутивные словосочетания. Относительно первых двух нет сомнений в их перформативности и вообще – активной роли в тексте заговора (которую автор убедительно показывает), поскольку такие конструкции выполняют, кроме всего прочего, функцию «кирпичиков» заговорной сюжетики, ее опорных точек. Что же касается атрибутивных *без-*конструкций (*беззаконная тварь, бездушная тварь, беспоясые трясовицы, змея безочивая* и т. п.), то, на наш взгляд, их роль в заговорном тексте несколько завышена. Такие словосочетания, как правило, единичны и не выходят за рамки одного мотива, а чаще даже – одного текста / варианта (ведь речь идет о фольклоре, где частотность факта, его повторяемость служит основным критерием отбора), а кроме того, не являются сюжетобразующими. Говоря о *без-*префиксальных образованиях типа *бессонница* в заговорах от детской бессонницы и крика, автор утверждает, что подобные слова «запускают» механизмы лексической инерции, способствуя созданию антонимов в тексте заговора. Однако антонимическая пара *бессонница – сон* является базовой для языкового сознания вообще и всего круга заговоров от детской бессонницы, и потому ее появление в тексте заговора,

на наш взгляд, вряд ли можно считать результатом действия лексической инерции, в отличие от синонимичных ей пар *беспокойница – покой*, *безугомонница – угомон*.

В рамках той же третьей главы наиболее впечатляющим является исследование семантики и функций *без-конструкций* в русских причитаниях, воплощающих их семантико-прагматическую доминанту, а именно идею лишительности, недостачи (параграф 3.5), сквозную для всего жанра причети (похоронной, рекрутской и свадебной). Проведенный анализ соответствующих конструкций позволил автору прийти к несколько неожиданным выводам, согласно которым самый высокий уровень «лишительности» отмечен в рекрутских (а не в похоронных) причитаниях, а также предложить несколько аргументированных и оригинальных объяснений этому. Далее автор рассматривает основные концептуальные линии, наиболее существенные для причети (а именно потеря членов семьи, потеря дома и утрата внешней, нравственной и социальной, регуляции поведения), на долю которых приходится подавляющее большинство используемых в причети *без-конструкций*; смысловые сферы, аккумулирующие значительную часть не вошедших в эти концептуальные линии *без-конструкций* (такие как «Взаимодействие человека и социума» и «Внутренний мир человека»), а также, наконец, семантику отдельных понятий, выраженных в форме *без-конструкций*. Особый интерес вызывает анализ понятия *безумие*, понимаемого в рамках дискурса причети не только как помешательство и утрата разумности, но также как нарушение социальных и поведенческих норм и даже как глупость и толкуемого в терминах наказания и страшной участи.

Большое внимание в работе (причем в разных ее частях) уделено словам-концептам *бессчастье*, *бессчастный*, которые занимают едва ли не самое заметное место среди *без-конструкций* в причитаниях. Предпринятый кросс-жанровый анализ этих слов, в том числе с обращением к этимологическим их аспектам, приводит автора к выводу о том, что эти слова-концепты в максимальной степени принадлежат именно языку причети, а в текстах других жанров (прежде всего лирических песен и былин) сохраняют ламентационный «шлейф», и потому их попадание в другие жанры и функционирование там можно расценивать как результат межжанровой «иррадиации». Заметим, что эти слова-концепты заслуживают в будущем отдельного самостоятельного исследования на широком языковом (диалектном и фольклорном) материале.

Небольшой параграф (3.5.5) посвящен, казалось бы, периферийной для этой диссертации проблеме. Автор задается вопросом о причинах неравномерной представленности *без-конструкций* в языке причитаний из разных фольклорных сборников, вопросом, который, к сожалению, крайне редко задают себе фольклористы. Подытожив раз-

личия, обнаруженные при сравнении материалов из сборников Е. В. Барсова, Б. Б. Ефименковой и Т. И. Калужниковой, О. Д. Сурикова приходят к закономерному выводу о том, что эти различия являются результатом действия трех основных факторов: лингвогеографии, лингвохронологии и специфики идиолекта информантов. В связи с этим можно предложить автору в будущем проверить и развить на другом материале наблюдения над функционированием *без-конструкций* в языке причети: например, вместо сборника Барсова взять сборник Киреевского, тем самым «убрав» фактор идиолекта (а именно записи от И. Федосовой), и т. д.

Высказанные выше дискуссионные замечания, размышления и соображения относительно перспектив дальнейшего развития темы диссертации ни в коей мере не умаляют несомненных достоинств диссертационной работы, ее теоретической и практической ценности, а напротив – свидетельствуют о ее **научной значимости и перспективности**. Можно с уверенностью утверждать, что рецензируемая диссертация представляет собой серьезное, обстоятельное, многоаспектное исследование, которое по масштабу поставленных задач, богатству эмпирического материала, разнообразию привлеченных источников (числом 180), объему изученной специальной литературы (более 200 позиций), скрупулезности анализа и научной значимости результатов явно превосходит стандарты кандидатских диссертаций и требования, к ним предъявляемые. Диссертация свидетельствует о солидной подготовке автора в области нескольких филологических дисциплин – диалектологии, ономастики, этимологии, семантики, словообразования, исторической лексикологии, этнолингвистики, фольклористики.

Диссертация О. Д. Суриковой, представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык, полностью отвечает квалификационным требованиям п. 9 соответствующего положения о порядке присуждения ученых степеней ВАК Минобрнауки РФ, а также соответствует всем требованиям, предъявляемым к работам такого рода.

Автореферат и 18 публикаций (9 из которых опубликованы в научных изданиях, рекомендованных ВАК) соответствуют основному содержанию диссертационной работы.

Автор диссертации – О. Д. Сурикова – заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Отзыв составлен профессором, доктором филологических наук, заведующим Отделом этнолингвистики и фольклора ФГБУН Институт славяноведения РАН Толстой Светланой Михайловной и доктором филологических наук, ведущим научным со-

трудником Отдела этнолингвистики и фольклора ФГБУН Институт славяноведения РАН Агапкиной Татьяной Алексеевной.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании Отдела этнолингвистики и фольклора ФГБУН Институт славяноведения РАН 30 августа 2016 г., протокол № 09.

Заведующий Отделом этнолингвистики и фольклора
ФГБУН Институт славяноведения РАН
профессор, доктор филологических наук

Светлана Михайловна Толстая

Федеральное государственное бюджетное учреждение наук
Институт славяноведения РАН
119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а
Тел. +7 495 9381780, <http://inslav.ru>

ВЕРНО:
Заведующая кафедрой

г.

